

Лев ГУДКОВ

Цинизм "непереходного" общества

Еще год-два назад в среде аналитиков — политологов, социологов, историков, экономистов — вполне серьезно обсуждались проблемы, суть которых можно было сформулировать примерно так: после длительного периода социальной нестабильности и неудачных, начатых, но не завершенных реформ, поражения правых — "либералов" и "западников" — в России сложился авторитарный режим В.Путина. Вопрос заключался в том, сможет ли этот режим, пользующийся поддержкой населения и напуганных, деморализованных элит, провести все необходимые институциональные трансформации, позволяющие модернизировать страну, или дело обернется каким-то вариантом традиционалистского деспотизма, существование которого будет обеспечено доходами от экспорта энергоресурсов, благо мировая конъюнктура цен невероятно этому способствует. В соответствии с той или иной позицией эксперта руководителю страны и его команде приписывались либо героические мотивы — "остаться в истории великим государственным деятелем, перевернувшим страну, память о котором благодарная отчизна будет хранить всегда"¹, либо эгоистические интересы и стремления удержаться у власти любым образом и средствами, включая профилактические репрессии и административный произвол. Вариант сценария — дальнейшее медленное разложение советской системы и перерождение ее в децентрализованное, коррумпированное полицейское государство с падающей эффективностью управления, стагнирующей экономикой, деградирующим населением, в общество, теряющее прежние приоритеты в науке, технологиях, образовании, здравоохранении, в страну, оказывающуюся в растущей изоляции от внешнего мира и т.п., — практически не рассматривался.

¹ Остатки этих представлений еще можно уловить сегодня в очень сниженных вариантах мнений, высказываемых политиками или высокопоставленными чиновниками, лояльными или старающимися казаться лояльными президенту. Типичное выражение этого в опросах экспертов выглядит примерно так: (вполне искренне) — "я верю, что Путин действительно хочет что-то сделать".

Но кризис путинского режима, ставший очевидным после Беслана¹ даже для его сторонников, заставил обратить особое внимание на культурные (смысловые — идеологические, легитимационные) и человеческие ресурсы сложившегося в России социально-политического порядка. Состояние растерянности и беспомощности, охватившее в тот момент власти, отметила даже подконтрольная и лояльная правительству пресса, не говоря уже о неподцензурных интернет-изданиях. Регулярные опросы общественного мнения с лета прошлого года фиксируют устойчивое снижение позитивных оценок

¹ Захват группой боевиков в бесланской школе свыше 1000 заложников, жертвы и неразбериха, связанные с неудачным штурмом при освобождении детей, продемонстрировали крах путинской политики в Чечне, начатой войной в 1999 г., крайнюю трусость высшего руководства, его некомпетентность, нескрываемое желание спрятаться, уйти от ответственности, с одной стороны, и безусловный аморализм, стремление использовать человеческую трагедию для достижения мелких политических целей — с другой. Поспешно объявленная административная реформа, эта "революция 13 сентября", как ее постарались окрестить кремлевские политтехнологи, — отмена выборов губернаторов и назначение их президентом, перетряска ведомственной бюрократии, реформа партийно-избирательной системы и т.п. мотивировались соображениями государственной безопасности, необходимостью общественной консолидации вокруг власти ("...нам объявлена война международным терроризмом"). Попытки идеологического прикрытия усилий администрации президента по централизации власти выглядели настолько лживыми и притянутыми за уши, что привели к обратному результату. Несмотря на массивную пропаганду и контроль за СМИ, лишь треть (34%) россиян согласилась с официальной версией, столько же респондентов (34%) возложили ответственность за этот инцидент на спецслужбы, ФСБ, не способные обеспечить безопасность в стране, и чуть менее трети (29%) — на руководство России, продолжающее эту войну (Общественное мнение-2004. Ежегодник. М., Левада-Центр, 2004. С. 116). Более резкая оценка давалась продвинутыми информированными группами населения, например, в Москве уже 49% опрошенных рассматривали теракты осени 2004 г. прежде всего как результат той войны, которую ведет Россия в Чечне вот уже десять лет (но и здесь 42% респондентов разделяют путинскую интерпретацию: теракты — это звенья в цепи международного заговора, это "происки международного терроризма"). После Беслана стало очевидным, что согласиться с тем, что решение начать войну в 1999 г. было "ошибкой", означало бы для путинской команды не просто пересмотреть общую направленность принятого когда-то политического курса, а признать сам режим В.Путина "преступным", поскольку именно война сделала легитимным его приход к власти, на что, разумеется, эти люди никогда не пойдут.

деятельности руководства страны и уменьшение его социальной поддержки. Отдельные неудачи и ошибки, вроде пенсионной или ведомственно-административной реформы, или дела М.Ходорковского, оказавшего самое негативное влияние не только на экономический, но и на моральный климат в стране¹, стали выстраиваться в общий ряд сбоев и поражений руководства: провал российской политики на Украине (а перед этим — в Грузии, в Абхазии, в Молдавии), совершенно неожиданные для руководства массовые протесты против монетизации льгот, крах режима Акаева в Киргизии и т.п. Признаками нарастающего напряжения в руководстве и утраты чувства реальности, если не сказать — легкой паники², можно считать как слишком торопливые шаги по выплате компенсаций, лишь бы погасить все новые и новые очаги массового раздражения (особенно в перспективе повышения расходов по ЖКХ, отмены отсрочек для призыва в армию студентов, неизбежного ухудшения системы здравоохранения), так и агрессивный тон в выступлениях высокопоставленных чиновников администрации президента (интервью В.Суркова, Д.Медведева, заявления И.Шувалова), впервые после краха СССР заговоривших о национальных врагах и предателях, пятой колонне, подрывных элементах, «показательном характере дела "ЮКОСа"», об угрозе распада страны и катастрофах, которые последуют, если элиты и общество не консолидируются в добровольном порядке вокруг президента. Такие попытки стимулировать или провоцировать сознательно волны негативной мобилизации (натравливая обывателя на олигархов, возбуждая страх перед США или НАТО, неприязнь к Грузии или Украине, угрожая расправой с предателями и пр.) свидетельствуют о неустойчивой системе власти и ее организации, сомнениях в воспроизводимости ее при очередном цикле легитимации.

Стимулом для переоценки стал именно кризис режима, а не приход В.Путина к власти или предпринятое им "укрепление вертикали влас-

ти". Сами по себе обстоятельства и процесс формирования путинского режима, вынужденного имитировать авторитарный стиль правления, как уже ранее отмечалось в ряде статей "Вестника", не стали предметом специального изучения, поскольку они не меняли распространенной политической оптики — концептуального рассмотрения условий трансформации постсоветской системы власти, не требовали переоценки ее популистско-вождистской основы. В фокусе исследовательских интересов как раньше, так и теперь оказываются прежде всего массовые настроения и патерналистские надежды, иллюзии, фобии, комплексы ущемленности или неполноценности, обеспечивающие разного рода социально-психологические и политические трансферты неудовлетворенности в механизмы позитивной идентификации и символической поддержки нового режима. Объяснительная "транзитологическая" модель при этом может принципиально и не меняться: для объяснения перехода от тоталитарного к демократическому устройству равно годится как модель постепенных реформационных трансформаций, политики либерализации и деэтизации, так и схема "авторитарного перехода". Однако именно кризис режима, ставший особенно контрастным на фоне принципиально иных процессов на Украине и в меньшей степени в Грузии, требует других объясняющих средств и подходов, по крайней мере, смещения исследовательских акцентов.

Прежде всего этот кризис вызван не политической реформой и трансформацией, а, как и предшествующие распаду советской системы цепочки конфликтов и столкновений, трудностями, связанными с обеспечением функционирования режима данного типа, его продолжением, правда, это не означает, что данный режим может быть сменен чем-то принципиально иным по своей сути. Проблемы, ведущие к нарастанию кризиса, вызваны самой природой этого режима. Иначе говоря, власти, решая какие-то свои частные или локальные вопросы, порождают новые проблемы уже системного порядка, с которыми они не в состоянии справиться. Существование этих проблем связано с попытками руководства каким-то образом адаптировать и сохранить унаследованную от тоталитаризма институциональную систему, отказываясь от изменений и кардинальных реформ постсоветского государства при явных сбоях в управлении и функционировании всей системы. Эта раздвоенность правящей элиты — "нельзя уже ничего не менять" при "нежелании менять что-либо" — задает специфику дискуссий о перспективах режима,

¹ Как недавно писал Б.Долгин, "власть заведомо обесмыслила" не только сами вопросы о том, были или нет какие-то правонарушения в деятельности компании, ее владельцев или сотрудников, но и "комически саморазоблачилась". Дискредитирован не только сам суд, идея правосудия в нашей стране, но и власть, принуждающая суд к подобному поведению. Ясно, что обвинители, организаторы этих процессов сами в еще обозримом времени окажутся на скамье подсудимых <www.polit.ru/analytics/2005/04/15/yukos.html>.

² Один из опрашиваемых нами экспертов выразился так: «Это еще не паника, просто "власть нервничает"».

поскольку очевидно, что решение множества принципиальных вопросов связывается с характером, с одной стороны, тех, у кого сегодня находится в руках власть, а с другой — тех, кто претендует на нее, обещая более адекватные решения подступающих проблем страны. Иначе говоря, вопрос о социальной и политической динамике переводится в план предполагаемой или, напротив, расцениваемой в качестве невозможной передачи власти от нынешней администрации к какой-то следующей генерации. Как проведение реформ, так и непроведение их в каждом отдельном случае мотивируется угрозой дестабилизации, вражескими действиями, политикой Запада или (в будущем) Китая и тому подобных разрушительных или враждебных "России" сил. Иначе говоря, необходимость укрепления вертикали власти, возводимая к трудностям, сопротивлению или даже блокировке политики трансформации посттоталитарной системы, ее усложнению и росту автономии отдельных подсистем, аргументируется старым арсеналом идеологических средств негативной консолидации, что само по себе свидетельствует о некомпетентности или ограниченности интеллектуальных ресурсов властей.

Феномен негативной мобилизации. Структура, фазы и функции негативной мобилизации. Анализируя данные систематических замеров массовых настроений за весь период исследований общественного мнения (а это уже более 16 лет), можно выделить ряд точек заметного обострения социальной напряженности в стране, снижения доверия к властям, сопровождающихся ростом таких "психологических" показателей, как разлитое в обществе "раздражение", "госка", "усталость", разного рода страхи, агрессивность и пр.¹ Первые, еще не очень определенные и опознаваемые проявления этого рода отмечались в 1994 г., затем — во время президентской избирательной кампании 1996 г. (особенно осенью того года, когда в стране стало проявляться массовое недовольство высшей властью после нескольких месяцев принуждения к голосованию за Б.Ельцина) и продолжались до января 1997 г., далее — массовые истерические реакции весной и осенью 1999 г. и, наконец, последние по времени — в 2002 г. (после Дубровки). Хотя все они были вызваны разными политическими обстоятельствами, в их течении проявлялось нечто

общее, что позволяет говорить о типичности этих форм массовых реакций.

Некоторые из этих краткосрочных периодов массового напряжения (подчеркнем — не все) сопровождались всеми признаками "негативной мобилизации", хотя сами эти проявления существенно отличались по степени интенсивности, распространенности и продолжительности. Под "негативной мобилизацией" я понимаю феномены быстрого роста диффузного массового раздражения, страха, ненависти, сопровождаемых чувствами общности или близости друг другу членов сообщества, которые возникают при появлении врага или врагов, при перспективах крайне нежелательного развития событий, несущего с собой утрату привычного образа жизни, престижа, авторитета, снижение доходов, статуса, девальвацию групповых ценностей и т.п.

"Негативными" эти механизмы интеграции я называю потому, что моменты консолидации возникают "от противного": ввиду опасности утраты уже имеющегося или при отказе от значимых коллективных символов, что ведет к разрушению коллективной идентичности. Интеграция происходит не на основе *позитивных* представлений и мотивов действия, связанных с ценностными значениями человека, потенциалом его развития, рафинирования способностей в качестве коллективных приобретений, а как раз из-за их "отсутствия" или признания их принципиальной невозможности в данный момент времени. Это значит, что нет места надеждам на достижение в будущем каких-то общих целей, вере в возможности улучшения жизни, приближению общественных отношений и институтов к идеальным образцам, их совершенствованию или облагораживанию в соответствии с представлениями о должном и "высоком", т.е. согласно моральным, правовым, гуманитарным и прочим ценностям. Ранее считавшиеся общепринятыми ценности, т.е. ценности, декларируемые авторитетными инстанциями, и разделяемые в обществе или группе, с какого-то момента воспринимаются как ходульные банальности, пустая дежурная риторика демагогов или вязкость недалеких людей.

В этих ситуациях кризиса быстро распространяются явления массовой дезориентированности, растерянности, фрустрации, вымещаемой агрессии. Однако они не получают сколько-нибудь заметного выражения до тех пор, пока не кристаллизуются символические объекты и роли, структурирующие и канализирующие социальное раздражение. Чтобы это произошло, общественное мнение должно

¹ Общественное мнение-2004. С. 8, 9, 21, 23 (графики 2.1, 2.2, 3.6, 3.7, 3.8).

выделить из числа тех, кто постоянно присутствует на публичной и политической сценах, сверхзначимые персонажи, на которых проецируются массовые настроения недовольства, ярости, возмущения. Этим демонизируемым фигурам приписывается ответственность за кризисное состояние, вменяется в вину ход событий, отличный от ожидаемого и т.п. Появление подобных социальных ролей закрывает возможности для рационализации специфики посттоталитарной институциональной системы общества=государства, поскольку тем самым устраняется та ценностная позиция, с которой могла бы производиться процедура саморефлексии, анализа смысловых оснований, представлений о человеке, раз за разом порождающих структуры насилия и самоедства в отечественной истории. Реальные организация и характер российского общества, его культуры, мотивы действия воспринимаются как незначимые и ничтожные (в юридически-правовом смысле), как случайные или злонамеренные отклонения, нарушения, извращения того, что должно быть на их месте, чаще всего под этим подразумеваются остатки демагогической риторики социализма, государственного патернализма, планового хозяйства и т.п., но, что важно, пребывающие в самом спутанном и неразвернутом, неосмысленном, непроработанном виде. Помеченное как "слабость" государственных институтов (зависимость суда, парламента и других от высшей исполнительной власти) и гражданского общества, как "неразвитость демократии", это своеобразное функционирование институтов прежнего времени социальной элитой "переводится" в категории процессуального плана интерпретации ("перехода", строительства, формирования). Тем самым вводится презумпция направленной и целесообразной политики, с одной стороны, а с другой — ему придается легко узнаваемый персонифицированный или, напротив, неопределенно-личный характер, свидетельствующий об антропоморфизации социальных сил (если речь заходит о всем дальних символических действующих лицах — "Запад", "Америка", если о "своих", то — "террористы", "олигархи", "демократы-реформаторы", короче, "они"). Персонификация социальных отношений и процессов (все равно, касается это позитивных персонажей, наполненных массовыми надеждами и приписываемыми им благими мотивами и целями, или отрицательных фигур, мифологизируемых "анти-мы") позволяет и для массового сознания, и для российской социальной элиты (вообще-то массовидной по своему характеру)

вводить причинно-следственные модели объяснения происходящего, что придает вид осмысленности, очевидности и понятности в противном случае совершенно иррациональной картины коллективной действительности.

Появление противника вкупе с требованием или обещанием избавления заметно, а иногда и резко меняет всю ситуацию, придавая ей определенность, предсказуемость и понятность¹.

В отличие от протестных движений (движений социального протеста), обладающих более или менее четкими признаками организации, соответственно, характеризующихся ядром своих лидеров, артикулирующих программные лозунги, символы, цели и средства движения, называющих оппонентов и союзников движения и пр., а также активом своих сторонников и пассивной массой сочувствующих или разделяющих эти взгляды, негативная мобилизация обусловлена другими механизмами и побудительными мотивами. Она диффузна, ее основания и принципы эластичны, трудно определимы и неартикулируемы. Негативная мобилизация не является результатом сознательного планирования или рационального политического манипулирования, хотя механизмы, порождающие подобные явления, могут включать в себя те или иные компоненты идеологической пропаганды, в том числе планомерной деятельности СМИ, выступления отдельных политиков или партий. Негативная консолидация (мобилизация) является "стихийным ответом", массовой реакцией на определенное состояние институциональной системы общества. Представления или настроения такого рода появляются "одновременно" у многих, как бы независимых друг от друга участников социального действия в качестве общего или единообразного определения ситуации и, соответственно, поведения.

Процесс негативной мобилизации (в отличие от "позитивной" мобилизации, например, успешной электоральной деятельности какой-то политической партии или моды) обусловлен движениями "снизу вверх". Представления, взгляды, фобии или настроения, присущие низовым слоям и группам, социально-культурной периферии заимствуются, подхватываются или сознательно эксплуатируются более высокими статусными группами в качестве настроений

¹ Примечательно, что массовая поддержка В.Путина после его прихода к власти сопровождалась или предполагала рост негативных оценок курса гайдаровских реформ, наиболее существенного из всего, что сделано властями после краха советской системы (табл. 1 на с. 50).

массы, которыми "нельзя пренебрегать", которые следует "уважать" и "учитывать", все равно — в виде "голоса народа" или предполагаемого ресурса поддержки, или "самой объективной действительности". Распространение подобных представлений идет от средненизовых групп и периферийных слоев наверх, захватывая более уважаемые уровни политики и журналистики, имиджмейкеров, пропаганды, а затем и репродуктивных институтов (вузы, школы и пр.)¹.

Динамика негативной мобилизации связана не просто с аккумуляцией недовольства и социального напряжения, но и с условиями оформления их в категориях предшествующих идеологических стереотипов. Без этого массовый рессантимент, раздражение, страхи и недоверие к властям, как показывают данные нашего мониторинга общественного мнения, остаются по большей части фоновыми настроениями, в ограниченной мере попадают в зеркало СМИ, стерилизующих их критический потенциал даже тогда, когда эти настроения в массе своей преобладают в обществе.

Тем самым негативные рутинные стереотипы и предрассудки получают санкцию общепринятых стандартов определений действительности. Важно подчеркнуть, что такого рода определения во всех периодах реакции российских властей направлены против той части правительственных кругов, власти, номенклатуры, которые выступают с реформистскими и либеральными программами. В последнее десятилетие подобная стереотипизация была произведена с М.Горбачевым и младореформаторами (Е.Гайдаром, А.Чубайсом и др.), затем с самим Б.Ельциным и "олигархами" (Б.Березовским, М.Ходорковским), правыми и демократами в целом. Негативная мобилизация особенно значима при дискредитации этих фракций номенклатуры. Обратным светом она позволяет восстанавливать легитимность противостоящих изменениям системы консервативных институтов — армии, спецслужб, милиции, системы образования (и персонифицирующих их политических лидеров), которые и становятся в этот момент для определенной части населения воплощением национальных символов и ценностей. Иначе говоря, в ходе негативной мобилизации групповые настроения

раздражения и недовольства могут стать заместителями идеологических программ и партийных позиций. Однако особенность негативной мобилизации заключается в том, что это не просто *суррогаты идеологии*, а такие высказывания, представления, претензии, манифестации, которые, принимая форму массовых или групповых мнений, осознаются или воспринимаются как заведомое ценностное снижение, как намеренно оскорбительное по отношению к субъекту высказывание. *Эта намеренность снижения ясно осознается и говорящим, и воспринимающим.*

Нельзя сказать, что здесь имеет место ложное понимание, ошибка или темное, тупое мифологическое восприятие реальности. Напротив, особенность этой формы массовой апелляции, соответственно, консолидации на этой основе, заключается в интенции на заведомое, демонстративное и неприемлемое упрощение, эпатажность и недопустимость которого в принципе осознается говорящим и его партнером или адресатом, реципиентом¹. Именно эта схема вмняемой актору упрощенной интерпретации его мотивов и становится основой для взаимопонимания или социального консенсуса в обществе. Оправдание такому упрощению и снижению лежит в плоскости квалификации суждения как "голой правды", факта, не прикрытого декоративными возвышенными мотивами, "голоса народа", общего мнения.

В ходе наших исследований накопилось множество свидетельств или проявлений общераспространенного цинизма, характерного и для властей, и для населения. Типологически их можно свести к нескольким вариантам: цинические или нигилистические оценки: а) действий властей и государственных институтов (самой конституции, суда, парламента, правительства, партий); б) влиятельных в обществе групп (бизнеса, бюрократии, военного командования); в) политических событий и процессов (в историческом или недавнем прошлом, например, подавления путча ГКЧП в 1991 г.); г) отношений основных групп в обществе; д) упреждающей враждебности к странам Запада, к любым авторитетным фигурам; е) неверию в благие мотивы людей вообще и др.

¹ Кризис 1998 г., собственно, и ознаменовал переход массового недовольства от групп, занимающих *средненизкие социальные позиции к средним и обеспеченным*, хотя апелляция к властям и обществу при этом шла от имени "*бедных*", а не "*средних*" страт.

¹ Об известной рефлексивности подобных суждений свидетельствует то обстоятельство, что массовый выбор подобных тезисов всегда сопровождается какими-то оговорками, например, согласие с лозунгом "Россия для русских!", но в "разумных пределах" и т.п.

События на Украине, "оранжевые" манифестации в Киеве на Майдане Незалежности, если судить по опросам общественного мнения, были восприняты лишь немногими россиянами с симпатией, завистью и ностальгией по 1991 г., другими, гораздо более многочисленными, — с выраженным недоверием и недоброжелательством, но большинством — с равнодушием и покорной апатией людей, приученных к тому, что все всегда будет так, как того хочет власть¹. Преобладание у россиян негативных чувств в отношении массового энтузиазма, проявленного противниками украинской номенклатуры, усугубленных провалом российской политики на Украине, связано не только с имперским комплексом обиды на "младшего брата", но и с темным раздражением, похожим на отношения старого циника и неудачника к юношескому романтизму и увлеченности. Журналисты с готовностью воспроизводили версии, предложенные кремлевскими политтехнологами, о купленных американцами украинских "демократах", о манипуляции массами, о всесии политической демагогии, о том, что за всем этим стоят клановые интересы украинских "олигархов" и антироссийский "заговор". Общество делало вид, что принимает их всерьез.

Эту массовую неспособность к пониманию других, точнее, к пониманию именно энтузиастских реакций и душевных движений, следует считать одной из важнейших особенностей антропологии Посттоталитарного, постсоветского человека, характерной составляющей национальной идентичности русских. Речь идет не о неразвитости или человеческой тупости, сколько о склонности к объяснению действий других людей как партнеров, так и оппонентов самыми низкими мотивами и интересами, готовность принять любой вздор за самоочевидные вещи, если только эти аргументы отталкиваются от "подлой" стороны человеческой природы как общезначимой и "рациональной" основы социальности.

Как правило, в качестве схем для объяснения принимаются модели действия, "свободного" от традиционных представлений и ограничений, например, перенос чисто "экономических", целерациональных моделей действия на сферы неэкономического поведения и моральных взаимоотношений людей, семейного суще-

ствования, участия в общественно-политических организациях, в том числе гуманитарно-благотворительной деятельности и пр. Популярность геополитики среди российских политиков, политологов, политтехнологов предполагает то же самое сознание: мы (Россия) ничем не отличаемся от других стран, называющих себе "демократическими", "цивилизованными", "развитыми", и у нас есть свои национальные "интересы", сводящиеся к утверждению своей силы, власти, получению тех или иных предпочтений, ибо никаких других интересов или принципов, кроме равенства в силе, желаний доминировать, пользоваться выгодами эксплуатации, по существу, нет. Всякие другие "философствования" — лишь лицемерные попытки закамуфлировать свои хищнические стремления "благородными" словесами.

Образцы, паттерны для структурирующих процессы негативной мобилизации образов врагов заимствуются из ресурсов архаических, традиционных фобий и предрассудков, идеологических представлений предшествующих эпох и периодов либо, что более важно, *строятся, моделируются по архаическим образцам, представлений для предшествующих периодов и эпох*. Так, пассивный сегодня сам по себе антисемитизм служит парадигмой для рационализации и развертывания других ксенофобий и расизма.

Чаще всего смысловыми ресурсами для негативной мобилизации являются фантомные элементы разнообразных националистических конструкций, появившиеся в конце XIX в. и соединившиеся причудливым образом с рутинными ходами советской тоталитарной пропаганды, диапазон которых включал как возбуждение классовой ненависти и канализации этой агрессии на "внутреннего врага", так и более поздние варианты антизападной пропаганды времен холодной войны и блокового противостояния СССР и США. Здесь сочетаются самые разные формы негативной идентификации, включающие идеологические элементы как великодержавности, российской имперской культуры (русского черносотенства, национально-религиозного возрождения, декаданса "Серебряного века"), марксизма, так и компоненты закрытого мобилизационного общества уже советского типа с характерными комплексами изоляционизма, исключительности, рессантимента, ущемленное™, внешней и внутренней опасности, терпения, противопоставления русского всему остальному миру, особенно более развитому, богатому и свободному, и прочими рефlekсами конспирологического сознания. Общим для всех этих идеологических

¹ См. подробнее: Дубин Б. Россия и соседи: Проблемы взаимопонимания // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 32-33.

резидуумов является их функциональная консервативно-охранительная роль¹.

Само по себе стойкое массовое раздражение еще не вызывает негативной мобилизации: параметры массового терпения определены характером пассивной адаптации к происходящему, в том числе и ценой снижения уровня запросов. Подчеркнем, что хранителем этих резидуумов является не сама по себе управленческая бюрократия, а репродуктивная "образованщина", бывшая советская интеллигенция — учителя, ИТР, журналисты. Интродукторами негативной мобилизации являются *депремированные группы провинциальной бюрократии второго-третьего эшелонов*, а также представители тех институтов, которые после краха коммунистической системы и распада СССР оказались отодвинутыми от возможностей распределения ресурсов — ведомственного чиновничества, армии, спецслужб, правоохранительных структур. Не имея доступа к власти, но претендуя на нее, они апеллируют к тому пласту хронического массового недовольства жизнью, которое само по себе не может быть каким-то образом артикулировано или активизировано, но которое может быть использовано в качестве средства борьбы между разными номенклатурными кланами, быть направленным против группировок, пришедших к власти или удерживающихся при ней под флагом политики реформ и модернизации².

¹ Обычно в качестве циников или сознательных провокаторов, позволяющих переступить грань общественных приличий и говорить то, что расценивается как низкая демагогия, как оскорбительная ложь или плебейский расистский, идеологический или имперский эксгибиционизм, принимают очень немногих публичных деятелей: В.Жириновского и его эпигонов — Д.Рогозина, А.Митрофанова и подобных им "публичных шутов". Однако это ограничение не может быть оправданным какими-либо серьезными аргументами. Демагогия, намеренная ложь или провокация присущи очень широкому кругу политических и культурных актеров, начиная от президента и кончая каким-нибудь шоуменом. В российской риторической практике циничные высказывания воспринимаются обычно как общепринятые правила публичной игры, как своего рода подчеркнутое, или знаковое, поведение и не подлежат этической, религиозной или эстетической оценке. Приведу лишь один пример с сайта "Полит.ру": "Как заявил глава МВД РФ Р.Нургалиев на расширенной коллегии министерства, *главным виновником криминализации в России является международный терроризм и его вдохновители*. По словам министра, главная задача международных террористов — активизация *антиконституционного процесса в стране и изменение позиции России в интересах западных стран*. — Полит.ру от 16 февраля 2005 г. — <<http://www.polit.ru/news/2005/02/16/crime.html>> (курсив мой. — Л.Г.). Особенно интересным это высказывание становится на фоне событий в башкирском Благовещенске.

² Здесь лежит источник массового русского расизма и номенклатурного национализма: реальную опасность представляют не скинхеды, не баркашовцы, т.е. не маргинализованные и агрессивно настроенные подростки, а узвевленная бюрократия.

Предпосылкой или экспозицией процесса негативной мобилизации следует считать констатацию "состояния кризиса", убеждение, что достигнут некий предел (или идет приближение к нему), за которым могут наступить необратимые изменения в положении людей. Речь идет не просто об экономическом ухудшении материального положения людей или острой политической коллизии, а о социальном кризисе, сопровождающемся состоянием дезориентированности, непонятности, упорного неприятия происходящего. Ухудшение материального положения не единственное основание для мобилизации, гораздо важнее здесь именно *утрата перспектив, надежд на улучшение жизни*, общая неопределенность ситуации, выходящая за рамки хронического неполного доверия политикам и институтам. Это недовольство своей жизнью при сознании невозможности что-либо изменить, ощущение безвыходности.

Сам факт общепринятой констатации кризиса означает, что с подобным признанием положения дел начинают соглашаться те, кто ранее не разделял подобного мнения. Особенность этих конвенциональных представлений заключается в том, что никто как бы прямо не формулирует таких определений ситуации. С социологической точки зрения это означает, что ранее выраженные групповые или партийные точки зрения и взгляды "внезапно" становятся "всеобщими", т.е. теряют свою привязанность к тому или иному конкретному источнику — СМИ, политику, идеологу, группе, что индивиды, образующие массу, осознают их в качестве своего собственного решения, мнения, восприятия происходящего, как собственный мыслительный или социальный продукт. Утратив следы своего происхождения, генезиса, производства, мнения такого рода оказываются само собой разумеющимися, естественными и... непроверяемыми, "объективными". В этом смысле они не могут содержать в себе ничего нового по способу своего образования, но не по содержанию самих представлений. Этим они принципиально отличаются от новационных движений и процессов. Иначе говоря, отличительной особенностью политического процесса в России можно считать групповую невыраженность интересов и взглядов, позиций, смазанность, диффузность групповых артикуляций и пристрастий.

Очень важной составляющей подобных определений ситуации становится хроническое ощущение собственной несвободы, зависимости или подчиненности жизни непривычным обстоятельствам, которые люди не в состоянии контролировать, принудительности социального

Таблица 1

С КАКИМИ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ПО ПОВОДУ РЕФОРМ, НАЧАТЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ Е. ГАЙДАРА В 1992 г., ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ? (в % от числа опрошенных в каждом замере, N=1600 человек)

Вариант ответа	Март			
	1997 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
1. Они оказали безусловно положительное влияние на экономику России	3	1	2	4
2. Они были болезненны, но необходимы	19	19	14	21
3. В них не было никакой необходимости	15	22	17	19
4. Они оказали разрушительное действие на экономику России	41	44	51	36
5. Сумма негативных ответов (пп. 3 и 4)	56	66	68	55
6. Затруднились ответить	22	14	16	20

хода вещей. Причем это состояние неуверенности касается как повседневных проблем существования, так и общих рамок понимания важнейших событий, например, смысла и направленности гайдаровских реформ (табл. 1)¹ или политики путинской администрации. Две трети и более опрошенных (68% в декабре 2004 г., 66% — в марте 2005 г.) говорили о том, что не чувствуют уверенности в завтрашнем дне.

Такое хроническое самоощущение людей можно расценивать как синдром ценностной нефокусированности, расщепленности ценностно-нормативных порядков, процесса их разложения (но не дифференциации), усиление несогласуемости различного рода ориентации и норм, несовместимости различных ценностных порядков. Производным от этого и является широко распространенное сознание людьми своей беспомощности, крайне ограниченных возможностей отстаивать свои права и интересы открытым, публичным и формальным образом, без тех героических сверхусилий, которых требуют от человека, например, идеологи гражданского общества или правозащитники. Никакого — "Натом стою и не могу иначе". Стоят как раз на другом: на эластичности социально-нормативных представлений, предполагающей заметное снижение порога допустимости, терпимости, приемлемости. Это двусмысленное, желеобразное (в ценностном или моральном отношении) состояние общества поддерживается механизмами, парализующими связи поднимающей или возвышающей солидарности и, напротив, редуцирующими высокий, идеальный уровень требований к поведению и образцам "жлобского" существования.

При первых описаниях явления негативной мобилизации рассматривались как отдельные реакции общественного мнения на те или иные внешние факторы или в более общей форме, как специфические механизмы массовой идентичности. Казалось, что эти волны негативизма, спорадически появляющиеся и быстро исчезающие (например, вспышки антиамериканизма или приливы и отливы доверия и недоверия "вождям", фиксируемые в кривых наших замеров и графиков), не оставляют после себя следов в коллективном сознании. Однако со временем, по мере накопления эмпирического материала, позволяющего пусть грубо, лишь в самых общих чертах проследить ряды подобных данных и анализировать структуру и фазы интенсивности негативной консолидации, стало ясным, что последствиями этих регулярно возникающих реакций массового сознания становятся определенные изменения или "эрозия" ценностной системы российского общества. Симптоматика подобных "нарушений" выражается в довольно сложном сочетании роста массового цинизма, своего рода периодически возникающих "химически агрессивных" отложений в общественном сознании, равнодушии, бесчувствии, атрофии способности к определенным моральным оценкам, суженности поля оценочного сознания и активизации групп с утрированной, агрессивной-догматической, даже истерической склонностью к навязыванию своих представлений другим¹.

Нельзя сказать, что прежнее советское общество было более моральным или гуманистическим, но его цинизм был прикрыт системой обязательных деклараций и самохарактеристик,

¹ Об устойчиво негативном эмоциональном фоне происходящего авторы "Мониторинга общественного мнения" и "Вестника общественного мнения" писали довольно много, поэтому мы не будем специально останавливаться на этом обстоятельстве.

¹ Как правило, набор подобных взглядов будет представлять собой смесь тривиальных консервативно-националистических убеждений, остатков прежних идеологических конструкций, русский вариант эпигонского почвенно-религиозного "фундаментализма".

которые недопускали "кислотные" слои или компоненты на публичную сцену. В условно выделяемом "этическом" плане значимы были партикуляристские нормы социальной регуляции (лояльности, честности, порядочности и т.п.) или нерационализируемый пласт традиционалистского поведения, обычных обязательств, предписаний должного, приличного и подобающего. "Двоемыслие", глубоко разветвленная и эшелонированная практика адаптации общества и человека к репрессивному воздействию тоталитарной организации власти, социального контроля, всеобщему, сверху донизу, заложничеству, к доносительству, предательству снимала вопрос о моральной оценке того или иного действия. В условиях организованного насилия нет места для этической квалификации и рационализации частного или коллективного поведения или существования. Но с течением времени, с окончанием, прежде всего, массового террора, затем профилактических репрессий против отдельных групп или социальных категорий общества уходит Большой страх. Остается мелкий, мотивированный интересами карьеры, материального благополучия, мнением начальства и т.п., охватывающий главным образом сервильную часть бюрократии или зависимых от власти групп населения.

Сильнее всего эти процессы трансформации ценностных структур затрагивают репродуктивные группы, затем — более молодые и ресурсобеспеченные, социально продуктивные группы в обществе, кастрируя их или парализуя их инновационный потенциал, а потом уже захватывают и более широкие, "средние" (по всем параметрам и характеристикам) социальные слои, можно сказать, "нормальных людей", чье поведение не выходит за рамки нормативно предписанных норм и правил, образа мысли и жизни¹.

Поскольку подобные ценностные требования — высокого, идеального, морального, должного — никогда не могут быть массовыми и повседневными, а всегда — лишь рационализированными нормами и предписаниями специализированных институтов (религии, образования, культуры и т.п.) или интеллектуальных групп — элит, публичных идеологов, то распространение среды подобных настроений (аномичной массы, неструктурированного желеобразного социального состояния общества) может свидетельствовать лишь о

¹ Косвенно об этом свидетельствует процесс распространения агрессивных мнений и представлений в среде молодых и самых активных групп, рост в этой среде ксенофобии и национализма, более выраженная поддержка В.Путина как символической персонификации этого "нашизма" и т.п., чего ранее, в первые годы перестройки начала реформ, не наблюдалось.

кризисе и нарастании дисфункций в системе несущих институтов. Атрофия безусловного и готовность довольствоваться тем, что считается неценным, малоценным или негативным, с точки зрения ценности, но "своим", "нашим", качеством, присущим членам группы или сообщества, может быть описана как "*отсутствие моральной ясности*" (the lack of moral clarity)¹.

Однако это определение (отсутствие моральной ясности) — слишком общая и негативная характеристика. Такая квалификация еще ничего не говорит о причинах, делающих такую ясность невозможной, о социальных механизмах, порождающих нигилистическое действие.

В принципе явления публичного цинизма (социального, культурного, философского, эстетического), и об этом свидетельствует уже само слово "циник" (киник), известны достаточно давно и повторяются в истории с известной регулярностью. Рафинированный цинизм появляется как запаздывающая реакция на серьезные тектонические изменения в обществе, раскрывающая теневую сторону ценностных инноваций, обнажая, осмеивая и тем самым утверждая трансцендентальную природу идеального, указывая непреодолимость дистанции реального и значимого². Вульгарный цинизм — глумливо-ироническое отношение к тому, что считается или проявляет себя в качестве "высокого", "принципиального", сверхценного, — остается достоянием неудачников, позицией эпигонов, аутсайдеров социальных и культурных процессов, слабых в социальном и культурном плане групп. Цинизм — это не релятивизм, указывающий как минимум на относительность любых ценностных значений, их принадлежность к определенному кругу людей или социальной группе, в которых они значимы, а установка на сознательную девальвацию всего, что может придать человеческим действиям надындивидуальную значимость. В этом смысле возможная когда-нибудь типология цинизма должна строиться

¹ Выражение принадлежит Натану Щаранскому и взято из недавно вышедшей его книги: "Мир без моральной ясности — это мир, в котором диктатор говорит о правах человека, даже если он убил тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы или даже десятки миллионов человек". "Мир без моральной ясности — это мир, в котором жестокий диктатор может рассматриваться как приемлемый партнер в мирном процессе" (Sharansky N. (with R.Dermer). The Case for Democracy. The Power of Freedom to Overcome Tyranny and Terror. N.Y.: Public Affairs, 2004. P. XIII–XX).

² "Не случайно именно Англия... стала в Новое время родиной черного юмора. Ведь цинизм всегда представлял собой оборотную сторону либерализма, его тень, его второй — не признаваемый официально, но не отторжимый от него — лик" (Ланге В. "Элементарные частицы" Уэльбека и мениппова сатира // Иностранная литература. 2005. № 2. С. 240).

применительно к тому, какая социально-институциональная сфера общества была нагружена особыми ценностными значениями в процессе изменений и почему именно эти изменения вызвали массовую реакцию разочарования и депрессии. В наших условиях, циническая реакция (стеб, соцарт и т.п.) последовала на идеологические утопии и иллюзии, связанные с трансформациями властных отношений.

Привыкание, приспособление, адаптация к репрессивной институциональной системе и к практике неограниченного административного произвола — это привыкание к существованию "применительно к подлости", говоря словами Салтыкова-Щедрина, т.е. обесценивание проблемных рамок существования, адаптация к порядку, который сложился в результате признания "мелкости людей", к их праву задавать тон в обществе. Этот социально-политический порядок можно назвать порядком, установившимся благодаря господству людей, охарактеризованных известным выражением: "он, конечно, сукин сын, но это наш, свой сукин сын"¹.

Негативная мобилизация потому и в состоянии обеспечить кратковременную поддержку фигурам второго-третьего рядов, силовикам, эпигонам-традиционалистам, что ее эффект заключается в оттеснении от власти потенциальных лидеров, других ценностно-окрашенных фигур, могущих нести с собой контрастную, в сравнении с обезличенным или рутинным цинизмом действующей верхушки, программу или идеологию развития страны. Так, наши демократы не выдержали демагогии "врага", националистической риторики, ибо по своим интенциям (а не декларативным позициям) они такие же циники и "государственники", что и менее либеральные провинциальные националисты силовики-патриоты. Единственное, как выяснилось после начала второй чеченской войны, после необходимости определения отношений к расширению Евросоюза и т.п., их отличие от путинской команды в том, что они мыслили рынок, демократию в качестве средства возвращения силы и величия государства. По существу, капитуляция или сдача власти лидерами демократов своих принципиальных позиций была predeterminedena, поскольку у них не было сильных аргументов против цинизма эпигонов советской системы или геополитической демагогии. В общих рамках мобилизационной риторики власть оказывается гораздо сильнее — она лучше организована и располагает реальными средствами защиты от экстремальных угроз, по

¹ Выражение приписывается Ф.Рузвельту, отозвавшемуся таким образом об А.Сомосе — диктаторе Никарагуа.

крайней мере, в воображении массы — таковы массовые рефлексы тоталитарного, военномобилизационного и репрессивного общества. Посерение власти и общества в результате подобных "конвульсий" — закономерный результат, но он промежуточный, далее следуют лишь полицейщина и децентрализация власти, сочетание некомпетентности с позой политической решительности и государственной воли.

Политические следствия "отсутствия моральной ясности". Ранее и мне, и другим аналитикам из Левада-Центра не раз приходилось говорить о том, что основу социально-политического порядка составляют гипертрофированные надежды на президента, частичное или неполное доверие к важнейшим общественным институтам (правительству, парламенту, СМИ) и выраженное недоверие к местным органам власти, суду, правоохранительным структурам, профсоюзам, партиям и пр.¹

Отметим, что как бы ни было сильно и стойко недоверие к власти, негативная оценка действующей сегодня властной элиты (табл. 2), оно мало что меняет в общей раскладке сил в обществе, поскольку люди *смирятся* с таким положением дел, объясняя себе и другим "что так всегда было", что "плетью обуха не перешибешь" и пр. Дело вовсе не в том, что у них был какой-то реальный опыт сопротивления или гражданской активности, а в том, что нигилистические установки парализуют саму мысль о том, что императивы подобной деятельности можно относить не только к каким-то отвлеченным "другим", но и к себе самому. Представление о политике как деятельности хищников и карьеристов и есть иное по форме выражение собственного цинизма основной массы населения, оборачивающегося пассивностью, покорностью, равнодушием и общим пофигизмом.

Обращаю внимание читателя на тот момент, что по мере приближения к выборам (табл. 3) недоверие к их организаторам, администрации, лишь усиливалось, достигнув своего максимума за два месяца до их срока. Но predeterminedенность их результатов сыграла парадоксальную роль, заставив признать колеблющуюся часть избирателей, что выборы прошли скорее без на-

¹ Гудков Л. О легитимности социального порядка // Вестник общественного мнения... 2004. № 2; Он же. Отношение к правовым институтам в России // Там же. 2000. № 3; Левада Ю. Феномен власти в общественном мнении: Парадоксы и стереотипы восприятия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1998. № 5; Зоркая Н. Политическое участие и доверие населения политическим институтам и лидерам // Там же. 1999. № 1 и др.

Таблица 2

КАК БЫ ВЫ РАСЦЕНИЛИ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ СЕЙЧАС У ВЛАСТИ? (в % от числа опрошенных, N=1600 человек)

Вариант ответа	1994 г.	1997 г.	2000 г.	2004 г.
	Это люди, озабоченные только своим материальным и карьерным благополучием	47	59	38
Это честные, но слабые люди, не умеющие распорядиться властью и обеспечить порядок и верный политический курс	16	15	11	14
Это честные, но малокомпетентные люди, не знающие, как вывести страну из экономического кризиса	18	11	11	9
Это хорошая команда политиков, ведущая страну правильным курсом	4	4	17	13
Затруднились ответить	14	10	24	11

Таблица 3

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ БЫЛИ (БУДУТ)...

(в % от числа опрошенных; N=1600 человек)

Вариант ответа	Выборы (год, месяц)							
	были в 1999 г.		будут в 2003 г.				были в 2003 г.	
	Октябрь	Декабрь	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Февраль 2004 г.	Март 2004 г.
В целом были/будут честными, законными	24	27	31	29	17	23	49	42
Скорее грязными (с использованием клеветы, нажима на избирателей, махинациями с избирательными бюллетенями)	46	46	51	44	59	54	31	34

рушений и подтасовок, без давления на избирателя. Однако затем эта уверенность стала опять заметно снижаться. Такое отношение к выборам не стоит расценивать как практическую оценку корректности их проведения, скорее это проявление общего недоверия к готовности властей уважать "свободу воли избирателей", невозможности поверить в то, что власти на деле, будут соблюдать "право граждан на выражение их мнений и взглядов". Это не реакция защитного скептицизма людей, приученных всю жизнь вполуха слушать привычное суесловие и демагогию советских партпропагандистов о демократических принципах и преимуществах социализма. Правильнее было бы видеть в этом циничский опыт людей, поверивших было в то, что новые времена принесут с собой и новые правила отношения общества и власти, а потом разуверившихся в этом, более того, принявших нынешний порядок за норму политического существования. На такие следы указывают сохранившиеся мнения идеалистов или людей простодушных, ригидных в своих убеждениях и иллюзиях, буквальным образом повторяющих слова о демократической сути российской конституции (табл. 4). Иначе говоря, суть негативных установок заключается не в "эмпирической" констатации "несовершенства" социально-политического устройства России или незрелости, неразвитости демократии, что озна-

чало бы направленный в будущее вектор "совершенствования", а в *отрицании самой возможности позитивного утверждения*, нигилистическое постулирование незначимости ценностей такого рода, самой идеи идеальных значений правовой, поддерживающейся без насилия и злоупотребления организации коллективного существования¹.

Казалось бы, если конституция — всего лишь бумага, если исход выборов предreshен и в результате во власть, в Государственную Думу, в местные законодательные собрания приходят "проходимцы", то зачем идти голосовать? И тем не менее в выборах раз за разом участвуют не менее 60% всех россиян, имеющих право голоса. Считать, что это остатки советского страха или ритуала, конечно, можно, но это объяснение будет явно недостаточным. Во всем этом сохраняется один чрезвычайно важный элемент — надежда на лучшее, на "правильное положение вещей в мире", как "оно должно быть" (в значительной степени иллюзорная, но остающаяся ресурсом легитимности В.Путина). Указание, что конституция — это просто бумага,

¹ Ср. данные опросов о позитивном отношении российского населения к депортации чеченцев в 1943 г., к фигуре И.Сталина, апология Буданова и пр. (Общественное мнение-2004. Ежегодник. С. 100–121, 168 и др.).

Таблица 4

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД БЫЛА ПРИНЯТА НЫНЕШНЯЯ КОНСТИТУЦИЯ РФ. С КАКИМ ИЗ МНЕНИЙ О КОНСТИТУЦИИ РФ ВЫ БЫ, СКОРЕЕ ВСЕГО, СОГЛАСИЛИСЬ? (в % от числа опрошенных, N=1600 человек)

Конституция РФ...	1997г.	2002 г.	2003 г.
Гарантирует права и свободы граждан	12	21	14
Поддерживает порядок в деятельности государства	20	22	25
Это средство для президента держать в повиновении Государственную Думу	11	7	11
Не играет значительной роли в жизни страны, с ней мало кто считается	45	41	42
Затруднились ответить	12	10	8

где продекларированы пустые слова, может быть констатацией чисто эмпирических обстоятельств и, в этом смысле, верифицируемым или фактическим суждением, что не меняет цинического характера этой констатации.

Область произвола, по мнению преобладающей части опрошенных, распространяется не только на повседневные отношения власти и граждан, милиции или местной бюрократии, но и на отношения с олигархами, оппозиционными партиями, любыми конкурентами или партнерами власть предрежащих¹.

Приведем распределение ответов на вопрос: **"Можно ли в России найти защиту от произвола властей, и если да, то каким образом?"** (в % от числа опрошенных, март 2001 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
В России нет произвола властей	4
В России нельзя найти защиту от произвола властей	49
Можно найти защиту, обратившись...	
В суд	10
К влиятельным знакомым лицам	8
В вышестоящие органы власти	6
К местным "браткам", мафии	5
В СМИ	4
В правозащитные и другие общественные организации	3
В международный суд в Страсбурге	2
Можно откупиться, дать взятку	5
Другое, нет ответа	3

Дело не просто в распространенных представлениях о криминальном характере российского

¹ Так, данные ежемесячных опросов (всего было проведено 12 замеров) о реакции населения на дело М.Ходорковского свидетельствуют о том, что преобладающая часть россиян воспринимает этот суд не как правовой процесс, не как расследование нарушения буквы и духа закона, а как демонстративную акцию устрашения властей, направленную против крупного бизнеса, как произвол, пусть даже прикрытый формальными юридическими процедурами, наконец, как средство экспроприации собственности и передачи ее людям, близким к президенту.

общества и бессилии или, напротив, беззаконии власти. Едва ли стоит отрицать высокий уровень социальной дезорганизации, аномии, преступности, характерный для сегодняшней России. Однако, как мне кажется, дело не только в этой фактической констатации положения вещей, но и в том, что эти модели действия — простое инструментальное действие по достижению цели без оглядки на ограничения ценностного порядка (традиции, морали, групповых конвенций и т.п.) — выступают в данных обстоятельствах как образцовые для социального действия как такового. Это не следствия признания эмпирического распространения преступности (нарушения нормативного порядка, аномии), а самая примитивная модель для интерпретации действий другого, самая элементарная схема понимания коллективной социальной действительности, своего рода предельно сниженная модель экономического действия, однако базирующаяся не на многообразии потенциальной гратификации, а на дефиците ценностей, мотивирующих действие, ценностной деградации. Явления и масштабы цинической культуры не сводятся к той или иной форме откровенного пренебрежения, если не сказать, глумливого отношения к тому, что считается "моральным", "правильным", "гуманным" или "должным". Такая роль скорее характерна для некоторых репрезентативных, репрезентирующих "публику" или "всех нас", фигур — писателей, актеров, юмористов, эстрадных клоунов, политиков. Параметры массового цинизма определяются невозможностью учета подобных нормативных представлений, или, точнее, незначимостью последних. Они отсутствуют в горизонте нормального взаимодействия или оценки. К такому состоянию привыкают как к обычному или естественному (для "нынешнего времени", для "бизнеса", для практической жизни, "для России", для "периода трансформаций" и пр.).

Распространение подобных механизмов организации социальной жизни, или структур

Таблица 5

БЫЛИ ЛИ ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ НИЖЕ ВОЙНЫ, КОТОРЫЕ ВЕЛА ИЛИ В КОТОРЫХ УЧАСТВОВАЛА В XX в. РОССИЯ, СПРАВЕДЛИВЫМИ ИЛИ НЕСПРАВЕДЛИВЫМИ? (в % от числа опрошенных; 2005 г., январь; N=1600 человек)

Войны	Справедливая	Несправедливая	Соотношение мнений (справедливые/ несправедливые)	Затрудились ответить
С Японией (1904–1905 гг.)	34	36	0,94	30
Первая мировая война (1914–1918 гг.)	38	40	0,95	22
Гражданская война (1918–1922 гг.)	33	49	0,67	17
С Финляндией (1939–1940 гг.)	25	46	0,54	29
Великая Отечественная (1941–1945 гг.)	79	16	4,90	5
Война в Афганистане	13	75	0,17	12
Первая чеченская война	17	70	0,24	13
Вторая чеченская война	19	68	0,28	13

социального действия, означают процессы дегенерации¹ системы ценностей, точнее, невозможность институционализации соответствующих ценностей, отсутствие каких-либо групп, которые были бы озабочены проблемами ценностной рационализации повседневной жизни. В этом плане цинизму власти соответствует массовый цинизм снизу, или, другими словами, *общественный консенсус имеет нигилистический характер*².

Цинизм охватывает не только саму авторитарную и беспринципную власть, бюрократию или слои "выигравших от реформ", "адаптированных", приспособившихся к изменениям, "вынужденных крутиться", чтобы сохранить тот образ жизни, который соответствовал бы их запросам, но и "демократов", политическую "опозицию", претендующую на особую роль защитников либеральных и гуманистических ценностей и легко идущих на сделку с действующей авторитарной властью, если это представляется тактически "рациональным" и выгодным для "экономических реформ" или "демократизации",

¹ "Дегенерации" — скорее в нормативно-методологической плоскости анализа и рассуждения, а не в смысле усиления исторического или эмпирического нигилизма. Маркировка подобных явлений "невозникновения", как и в середине позапрошлого столетия, отмечает состояние потенциальной, но так и не реализовавшейся социокультурной дифференциации.

² Интересно, что этот нигилизм оказывается модельным и для руководства или лидеров так называемых цивилизованных стран в отношениях с государственно-политическим руководством тоталитарных государств. То, что не могут позволить себе лидеры западных стран в отношениях между собой, т.е. внутри этого круга государств, то становится легким и необременительным в отношениях между западными демократиями и диктатурами или "несвободными странами". За примерами прагматического цинизма лидеров западноевропейских стран или администрации Дж.Буша ходить далеко не приходится: их нежелание говорить о близкой к геноциду войне в Чечне или вникать в обстоятельства административного произвола президента В.Путина только потому, что В.Путин объявил себя сторонником борьбы с международным терроризмом и не выступил против иракской войны, вполне очевидны, но практически не подлежат обсуждению.

или еще чего-нибудь. Так было с Е.Гайдаром и другими лидерами правых, поддержавшими В.Путина в начале чеченской войны, более того, заговорившими о либеральной империи и т.п., с "яблочниками" и другими идеологами российских реформ. Но это вещи, бросающиеся в глаза.

Последствия менее явного, но более глубоко укоренного цинизма либералов и демократов проявляются в программной стерильности их социальной политики, в высокомерном отношении к населению, ставших причиной их полного поражения на выборах и неизбежного ухода из политики. Цинична позиция Русской православной церкви, с готовностью обслуживающей нынешний режим, войну в Чечне, благословляющей без тени сомнения все мерзости русского патриотизма и "возвращение к национальным традициям", спокойно имеющей свою долю в торговле спиртным и табаком и пр.

"Несправедливая война". Рассмотрим эти обстоятельства на примере отношения к войне в Чечне (табл. 5). "Справедливой войной" абсолютное большинство опрошенных (68%) считают только ту войну, когда люди защищаются от нападения (основные метафоры — защищают свой дом, близких, свою страну)¹.

¹ Этому доминирующему мнению противостоит позиция, полагающая "все войны несправедливыми", поскольку любая война сопровождается насилием и жестокостью с обеих сторон (29%). Сравнительно незначительное число (21%) добавляют сюда "освобождение своего народа от иностранного влияния" и почти столько же (20%) — войну "за освобождение народа от социальной несправедливости, чтобы людям жилось лучше". Отзвуки официальных мнений обнаруживаются в ответах тех, кто считает возможным и справедливым "войну против тех, кто стремится разрушить или расколоть страну, кто угрожает ее целостности" (18%). Еще меньше опрошенных допускают в качестве справедливой идею превентивных войн (12%). Войну во имя высших целей и идеалов, религиозных или идеологических принципов согласны считать справедливой лишь 6% — январь 2005 г., N=1600 человек.

Таблица 6

КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ОТДЕЛЕНИЮ ЧЕЧНИ ОТ РОССИИ? (е % от числа опрошенных; N=1600 человек; без затруднившихся с ответом (удельный вес последних, составивший 18% в первом замере, через год снизился вдвое и с некоторыми колебаниями (9-12%) держится на этом уровне все последующее время)

Время опроса, месяц, год	Был бы только рад	На меня это не произвело бы впечатления	Считаю, что оно уже фактически состоялось	Сумма тех, кто допускает "отделение Чечни"	Был бы против, но готов с этим смириться	Этому следует воспротивиться всеми средствами, включая и военные
Сентябрь 1996 г.	28	21	*	49	22	11
Ноябрь 1996 г.	35	23	—	58	21	8
Январь 1997 г.	29	22	—	51	29	8
Сентябрь 1997 г.	28	13	29	78	15	7
Декабрь 1998 г.	24	11	33	68	12	6
Сентябрь 1999 г.	53	14	—	67	12	12
Декабрь 1999 г.	21	11	11	43	16	30
Июнь 2000 г.	18	13	11	42	20	27
Октябрь 2001 г.	19	14	15	48	15	25
Июль 2002 г.	25	15	15	55	16	17
Июль 2003 г.	28	14	10	52	20	17
Март 2004 г.	24	12	14	50	17	19
Сентябрь 2004 г.	30	17	11	58	16	17
Март 2005 г.	21	20	10	51	21	20

* В списке закрытых вариантов ответа данная подсказка отсутствовала.

Признание неэффективности путинской политики, неэффективности нынешнего варианта силового решения чеченского конфликта еще ничего не говорит о признании ошибочности или аморальности российской политики в этом регионе. Хотя большая часть россиян не верят властям и официальным СМИ, раз за разом твердящим об окончании боевых действий и нормализации ситуации в республике, в общественном мнении нет понимания, каким образом можно выйти из этой тяжелой и фрустрирующей ситуации¹. Поэтому наиболее общая реакция населения сводится к тому, чтобы вы-

теснить саму проблему — избавиться от Чечни как источника неприятностей, тем или иным образом приняв как факт ее выход из состава России (табл. 6).

Лишь на протяжении трех лет — времени путинского утверждения у власти — удельный вес решительных противников самостоятельности Чечни превышал 25%. Подавляющее же большинство россиян были готовы отпустить мятежную провинцию, лишь бы избавиться от самой проблемы.

Вместе с тем понимание тупиковости или проигранности войны не означает признания за чеченцами каких-либо достоинств, позитивных качеств, которые могли бы (обратным светом) заставить россиян признать собственную ответственность или вину, вообще считать их достойными противниками. Напротив, определяющим в отношении большей части россиян к чеченцам является стремление дисквалифицировать их, принизить мотивы сепаратистов и мятежников.

Почти половина (48%) опрошенных полагают, что главным мотивом поведения чеченских боевиков-сепаратистов и смертников-самоубийц является не стремление к независимости или "жажда мести", т.е. ценностные мотивы действия, а "алчность", "деньги". Вместе с тем чеченская война не кончается потому, что значительная часть генералов и армейских командиров куплены чеченцами.

¹ Мнения опрошенных разделились следующим образом: проблему Чечни можно решить "только силой" (24%); "только путем переговоров" (18%), "сочетая силовое давление с переговорами" (27%), "ее вообще нельзя решить, можно лишь отгородиться от Чечни, дать ей возможность выйти из состава России" (23%); затруднились ответить 8% (январь 2005 г., N=1600 человек). После первых месяцев всеобщего одобрения действий В.Путина, приведших к второй чеченской войне, негативной консолидации российского общества вокруг нового президента, уже к весне 2000 г. массовые настроения радикально изменились, и большинство россиян с тех пор выступают за прекращение войны и начало переговоров с руководством чеченских боевиков. Соотношение мнений — продолжать войну или начать мирные переговоры — при некоторых эпизодических колебаниях устойчиво составляет на протяжении уже четырех лет примерно 2:1 (см. графики в разделе журнала "Мониторинг перемен: основные тенденции" на с. 6-7).

Приведем ответы на вопрос: *"За что или почему воюет большинство чеченских боевиков?"* (в % от числа опрошенных; март 2004 г.):

Вариант ответа	%
За деньги	37
Из чувства мести	19
За идею независимости Чечни	18
Из-за своей агрессивной природы	14
Из страха перед полевыми командирами и ваххабитами	5
Затруднились ответить	6

В сумме негативные мотивы составляют больше половины всех ответов (деньги+агрессивная натура+страх+отказ от ответа, позитивного мнения). Еще более резко и отчетливо негативные установки в отношении чеченцев проявляются при несколько иных формулировках вопроса и списка закрытых подсказок — здесь сумма негативных ответов достигает 72%.

Что прежде всего движет террористами? (в % от числа опрошенных, сентябрь 2004 г.):

Вариант ответа	%
Стремление к наживе, к деньгам, которые платят им за проведение терактов	48
Чувство мести за гибель близких, за разрушения, произведенные федеральными силами в Чечне	22
Агрессивная природы, находящая выход в насилии над незащищенными людьми	14
Ничем не обоснованная ненависть к нашему народу, нашей стране	11
Затруднились ответить	4

Явная абсурдность преобладающих интерпретаций мотивации боевиков указывает на "подсознательную подмену", подстановку одного ценностного комплекса мотивов, неприемлемого по каким-то причинам для говорящего, непризнаваемого им в других (в данном случае — у чеченских террористов-смертников), отрицаемого и вытесняемого, другим комплексом мотивов, высокозначимым и ценным, но не могущим быть реализованным, а кроме того, имеющим в данных обстоятельствах негативное значение в общем мнении. Ибо одно дело — когда "русские во время войны жертвовали (жертвуют) собой", и другое — когда то же самое нужно сказать о каких-то чеченцах, бандитах и дикарях. Иначе говоря, мы имеем здесь дело с типичным для психоаналитика случаем "проекции" на "другого" собственных (очевидных) мотивов и вытесняемых желаний¹. Денег небогатому российско-

му населению очень хочется, но никто пока не дает. Частичное удовлетворение "автор" подобных проекций испытывает от того, что неудовлетворенные желания получают негативную санкцию, будучи приписанными заведомо отрицательному персонажу — чужому, врагу, извергу. Так, старая дева во всех мужчинах видит лишь грязных развратников и похотливых извращенцев, преследующих, если не ее самое, то других молоденьких женщин.

Исходя из этого, при всем желании заключить мир, доминирующем в российском обществе, оно подавляется принятием значительной частью россиян (почти половиной) официальной точки зрения на руководителей чеченских боевиков как на "бандитов и террористов, с которыми нельзя вести переговоры" (так считают 44% опрошенных). Правда, почти столько же (42%) полагают, что "среди чеченских боевиков есть умеренные люди, с которыми можно и нужно вести переговоры" (прочие затруднились ответить; январь 2005 г., N=1600 человек).

Вместе с тем обесцениванию, дисквалификации (в чем и заключается особенность негативной мобилизации) подвергается здесь не только Другой, предполагаемый партнер — объект неприязни, но и все другие действующие лица, в том числе, казалось бы, "свой".

"Почему власти не могут захватить или уничтожить лидеров чеченских боевиков — Масхадова, Басаева?" (в % от числа опрошенных):

Вариант ответа	%
Война выгодна слишком многим: и нынешнему руководству России, и военным, и бизнесменам	43
Руководство России не имеет представления, как навести порядок в Чечне	15
У чеченцев слишком много осведомителей / предателей на российской стороне	15
Руководство России боится предпринимать какие-либо решительные шаги	11
Армейское руководство, командиры в Чечне подкуплены боевиками	10
У военных не хватает умения, чтобы провести такую операцию	9
Руководство России находится в сговоре с лидерами боевиков	6
Руководство России боится, что боевики могут рассказать много порочащего власть	5
У военных нет средств и техники, чтобы захватить боевиков	5
Руководство России заигрывает с лидерами боевиков / надеется их "замирить"	2
Военные стараются не вступать в стычки с боевиками	3

¹ На значимость подобных механизмов переноса и интерпретации действий чеченских боевиков указал мне Ю.А. Левада.

Иначе говоря, возникающее в результате негативной мобилизации общественное сознание представляет собой состояние моральной дезориентированности, неспособности к какой-либо практической оценке, кроме интегрирующего, — "все — дерьмо", "чума на оба ваших дома". Со временем исчезает даже ненависть, консолидировавшая общество в первый момент мобилизации (снижение более чем в 1,5 раза: с 44 до 24–28%; табл. 7).

Однако, подчеркну еще раз, ценностное бессилие, паралич или импотенция социальной и интеллектуальной ответственности за происходящее не всегда и не у всех означает моральную тупость или вытеснение самого факта аморальности развязанной правительством В.Путина войны, преступлений, совершаемых той или другой, или обеими сторонами противостояния. Как раз с социологической точки зрения интересно, что ценностно-нормативный порядок, представления о должном, сохраняются в сознании большого числа опрошенных. Это вовсе не то, что имел в виду циничный поэт: "Мы пусты. Небо пусто тоже"¹.

То, что чеченцы — преступники, представляет собой как бы общее место, но что и федеральные войска оказываются виновными, сидит в сознании очень многих россиян, отнюдь не разделяющих позиции правозащитников либо немногих независимых или оппозиционных СМИ. Как видно из данных таблицы 8, среди этой категории опрошенных заметно больше людей образованных или информированных в силу своего профессионального статуса, но ими она не исчерпывается.

То, что более образованные и высокостатусные респонденты несколько чаще соглашались с тем, что федеральные войска ведут себя, выражаясь привычным для российской публики языком, как "оккупанты", не означает, что эти группы чаще, чем другие категории опрошенных, признают войну "несправедливой" (табл. 9).

Таким образом, дело не в неинформированности или незнании обстоятельств дела, требующих моральной оценки или позиции, а в социальном бессилии, цинизме как общей схеме адаптации к социальному миру, предъявляющему несогласуемые требования.

Чувство неправоты, вины или как минимум психологического дискомфорта никуда не исчезает, оно уходит в коллективное "подсознание", т.е. локализуется в такой системе координат и дефиниций реальности, которое не предполагает практического действия, не имеет отношения к предполагаемо-

¹ Уэльбек М. Стихи // Иностранная литература. 2005. № 3. С. 106.

Таблица 7
ИСПЫТЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕЙЧАС ЧУВСТВО НЕНАВИСТИ, МЕСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЧЕЧЕНЦАМ?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000 г.	2001 г.	2003 г.	2004 г.
Да*	44	40	24	28
Нет*	51	55	59	66
Затруднились ответить	5	5	7	6

* Приводятся суммы ответов "определенно да" + "скорее да" и "определенно нет" + "скорее нет".

Таблица 8
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, НАРУШАЮТ ЛИ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ВОЙСКА РОССИЙСКИЕ ЗАКОНЫ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЧЕЧНЕ? (в % от числа опрошенных, май 2004 г.)

Род занятий	Да	Нет
В среднем	49	28
Предприниматель	54	29
Руководитель	58	24
Специалист	53	25
Силовик	62	32
Служащий	47	25
Рабочий	52	26
Учащийся	36	46
Пенсионер	41	29
Домохозяйка	52	30
Безработный	55	26

му или возможному партнеру. Поэтому, как ни странно, всеобщая апатия и пассивность россиян сочетается с быстрой готовностью при случае согласиться с ответственностью и фактом вины лидеров страны, ответственных за все, что происходит в России, в том числе и готовностью признать преступниками тех, кто отдал приказ о начале войны. Люди легче соглашались признать виновной ушедшую власть, чем действующую, но тем не менее и в этом случае доля тех, кто обвиняет, достаточно велика — это господствующее в обществе мнение (табл. 10).

Употребляя метафору "ценностное бессилие", я имею в виду не состояние простой дряблости, а действие специфического механизма парцелляции, дробления, фасеточного зрения, создающего сегментированное поле восприятия и оценки реальности, при котором оказываются невозможной интеллектуальная или моральная генерализация, обмен точками зрения, нормы категорического императива как одного из базовых составляющих современного общества.

Рассмотрим это обстоятельство на примере массового отношения к чеченцам. Первое, что

Таблица 9

БЫЛА ЛИ ДЛЯ РОССИИ СПРАВЕДЛИВОЙ ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА 1994–1996 ГГ.? А ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА, НАЧАВШАЯСЯ В 1999 Г.? (в % от числа опрошенных, N=1600 человек)

Группа	Первая чеченская война (1994–1996 гг.)*		Вторая чеченская война (1999–...)*	
	Да	Нет	Да	Нет
<i>В среднем</i>	17	70	19	68
Возраст:				
18–24 года	19	71	23	65
25–39 лет	18	68	19	66
40–54 года	16	73	19	70
55 лет и старше	15	70	17	69
Образование:				
высшее	19	67	21	65
среднее	16	71	20	68
ниже среднего	16	71	17	70
Род занятий:				
предприниматель	28	67	35	60
руководитель	26	70	34	61
специалист	17	66	17	69
служащий	16	70	18	68
квалифицированный рабочий	16	73	17	71
неквалифицированный рабочий	9	79	15	75
безработный	9	78	15	73
учащийся, студент	26	66	29	63
пенсионер	16	69	18	67
домохозяйка	15	61	15	62
Тип поселения:				
Москва	17	71	19	70
большой город	19	68	24	64
средний город	13	73	15	71
малый город	22	69	21	71
село	14	70	18	66

* Приводятся суммы утвердительных ("определенно справедливая" + "скорее справедливая") и отрицательных ("определенно несправедливая" + "скорее несправедливая") ответов; затруднившиеся с ответом не указаны.

бросается в глаза, — декларативное согласие с тем, что "чеченцы — тоже люди"; второе — что "это не совсем люди", ибо в отношении них оказывается допустимым применение самых жестоких и дискриминационных действий. Если называть вещи своими словами, то их следовало бы назвать *массовыми репрессиями* или, по меньшей мере, *политикой этнической дискриминации*. (табл. 11, 12 и 13). Таким образом, в ответах респондентов проступает готовность к признанию массового террора в отношении чеченцев в качестве приемлемого средства.

Таблица 10

КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ ОТДАТЬ ПОД СУД ПОЛИТИКОВ, ОТВЕТСТВЕННЫХ ЗА РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ В ЧЕЧНЕ В 1994 Г.? ...В 1999 Г.?

(в % от числа опрошенных; июль 2004 г.)

Вариант ответа	В 1994 г.	В 1999 г.
Положительно	63	48
Отрицательно	18	29
Затруднились ответить	19	23

Таблица 11

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕЧЕНЦЫ ТАКИЕ ЖЕ ГРАЖДАНЕ РОССИИ, КАК И РУССКИЕ, КОТОРЫЕ ЖИВУТ В ДРУГИХ ОБЛАСТЯХ СТРАНЫ? (е % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Май 2002 г.	Октябрь 2003 г.	Сентябрь 2004 г.
Да ("определенно да" + "скорее да")	52	65	54
Нет ("определенно нет" + "скорее нет")	43	29	41
Затруднились ответить	5	6	5

Таблица 12

КАКАЯ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ДВУХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЧЕЧЕНЦЕВ ВАМ БЛИЖЕ?

(в % от числа опрошенных, N=1600 человек)

Вариант ответа	Июнь 2002 г.	Октябрь 2003 г.	Сентябрь 2004 г.
С чеченцами можно вести диалог "на равных"	19	35	34
Чеченцы понимают только "язык силы", попытки говорить с ними "на равных" воспринимают лишь как слабость другой стороны	67	45	53
Затруднились ответить	14	20	13

Таблица 13

КАКИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРЫ КАЖУТСЯ ВАМ ПРАВИЛЬНЫМИ ДЛЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ? (е % от числа опрошенных, N=1600 человек)

Вариант ответа	Сентябрь			Февраль
	1999г.	2000 г.	2001г.	2004 г.
Депортация всех чеченцев из России в Чечню	41	41	35	35
Создание полноценной границы между Россией и Чечней	62	48	44	32
Введение ограничений на передвижение жителей республик Северного Кавказа по территории России	39	29	37	23
Создание отрядов самообороны в приграничных населенных пунктах	34	24	21	16
Создание в городах домовых комитетов безопасности граждан, имеющих право задержания подозрительных лиц возле своих домов	28	23	21	14
Другое	14	8	8	5
Категорически против любых подобных административных мер	3	3	4	3

Если судить по таким характеристикам массовых умонастроений, которые представлены в таблицах 11–13, то едва ли можно сказать, что российское общество преодолело наследие тоталитаризма или что оно испытывает отвращение к самой идее массового устрашения либо уничтожения. Однако модус их существования или функции в массовом сознании различны. Они сосуществуют, рядоположены, но не взаимодействуют друг с другом, поскольку содержат значения и представления, имеющие самые разные по времени и характеру источники происхождения. Проблема заключается в том, что нет той группы или института, той силы, которая могла бы подвергнуть их систематической моральной или ценностной рационализации и, упорядочив, принудить общество в целом к признанию тех или иных оценок. Когда появляется подобный моральный авторитет, ситуация существенно меняется. В нашем случае таким авторитетом обладают представители Комитета солдатских матерей и не обладают политики, чьи человечес-

кие качества отмечены выше. Поэтому доля негативных высказываний по поводу перспективы переговоров с чеченским руководством с участием Комитета солдатских матерей почти вдвое меньше, чем если бы эти переговоры вели "политики" (51 и 27%, табл. 14).

Таблица 14

1. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕХ ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫЕ ВЫСТУПАЮТ ЗА ПЕРЕГОВОРЫ С ЧЕЧЕНСКИМИ БОЕВИКАМИ?
2. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ПОПЫТКАМ КОМИТЕТА СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ ВСТУПИТЬ В ПЕРЕГОВОРЫ С ЧЕЧЕНСКОЙ СТОРОНОЙ?

(в % от числа опрошенных; ноябрь 2004 г., N=1600 человек)

Оценка деятельности	Положительно*	Отрицательно*
1. Политики	40	51
2. Комитет солдатских матерей	51	27

* Суммы как положительных, так и отрицательных ответов.

Заключение. Появление цинизма в Европе Нового времени сигнализировало о нарастающем значении и функциональной роли "лицемерия" в воспитании нации, сословия, клубов и других подобных им структур негосударственного, гражданского общества. Это были механизмы "подтягивающей идентификации", стоящие в том же ряду, что и подражание разного рода корпоративным кодексам чести, социальная "репутация" или такие культурные явления, как, например, "спуск образца" (заимствование признаков поведения и образа жизни вышестоящих слоев нижележащими на социальной лестнице), демонстративное потребление, описанное Т.Вебленом, мода и пр.

В советское время в России имело место систематическое снижение репутации, раздвоение ее на поведение в кругу "своих" и "как надо", появление различного рода неформальных "счетов", не очень значимых даже в среде элиты — философов, писателей, художников или ученых, где формальные звания и степени многократно перевешивали мнения среды "своих" (сама среда была довольно тухлой, как об этом писал В.Войнович в "Иванькиаде" и "Шапке" или другие наблюдатели). Но даже и без этого воздействия властей, государственных органов раздачи званий и орденов возникли (и разделялись самым искренним образом) понижающие механизмы, причем их сила и значимость были тем большими, что первоначально они складывались скорее как позитивные механизмы (в почти старом смысле слова).

Субъективная "искренность", в противовес официальной пропаганде и лжи (системе гратификации), была в свое время (начало 1960-х годов) одной из самых важных характеристик суждения и самого субъекта публичного высказывания. Если действующее лицо "искренне" разделяло установки официоза ("комиссары в пыльных шлемах" в стихах Окуджавы, фильм Ю.Райзмана "Коммунист" и пр.), это заслуживало такого же внимания и отношения, что и любое другое субъективное воле- или чувствозъявление. Хуже стало, когда этот механизм "искренности" понес искреннее скотство и "обесцененное" в точном смысле выражение своего состояния ("душевное", психологическое, социальное, идеологическое и прочее — "а я так чувствую", "а я так думаю"; см. В.Сорокин, но задолго до него — В.Шукшин). В первый момент казалось, как со стебом, что это "маска" такая, социальная роль шута или "публичного циника", но позже оказалось, что это и есть "натура" (как в старой карикатуре, когда на карнавале женщина просит своего партнера снять маску "пьяной рожи", а под ней оказывается

точно такая же рожа, которую маска лишь повторяет или копирует). Иначе говоря, пока действовал ценностный потенциал сопротивления власти (гуманистических ценностей, морального стоицизма, смысловых оснований частного индивидуального существования, субъективности в противопоставлении коллективному принуждению, конформизму, демагогии, серости и пр.), а он безусловно, несмотря на всю свою слабость и тонкость слоя, разделявшего его, был пока действовал контекст сопротивления или внутренней оппозиции институтам тоталитарного режима, эта позиция "искренности" была вполне осмысленной, точнее, только в данном контексте она и была осмысленной. Не следует преувеличивать и этот слой, и этот потенциал. Но когда сам контекст исчез, а осталась поза, обнаружилось, что дело плохо. Цинизм стал, если не единственным, то одним из самых значимых механизмов имитации ценностного выражения.

Итак, негативная мобилизация ведет к упрощению ценностной структуры, к массовизации общества, достигаемой на основе сниженных или нигилистических представлений о нормах и мотивах поведения. Она создает условия для снятия социальных, прежде всего межгрупповых и культурных различий, утверждая общность "минималистских" моральных представлений о социальности, примитивное единство социального мира как войны всех против всех, с одной стороны, и компенсирующее или уравновешивающее это негативное состояние иллюзорное представление о лидере, вожде, спасителе, твердой руке, политике, способном вывести страну из ситуации крайнего кризиса — с другой. Такой лидер — функция от состояния растерянности, дезорганизованности, негативистского подавления источников позитивной солидарности. Негативная мобилизация обеспечивает восстановление значимости патерналистских ориентации, безальтернативности. Общественный аморализм оборачивается реконструкцией традиционалистского принципа конституции общества=государства сверху, воссозданием самого гена вертикальной или номенклатурной организации (вышестоящий подбирает под себя подчиненных и подданных). Это тот самый случай, когда законы пишутся для подданных, а не для властей.

Поэтому активизация фобий (внутренних, главным образом этнонациональных) и внешних (антизападничество, антиамериканизм) производит двойной эффект — защитно-компенсаторное самоутверждение и вместе с тем нейтрализацию или изоляцию от других источников ценностного влияния и рецепции, без которых приостанавли-

ваются процессы дифференциации, артикуляции групповых и социальных различий, ценностного многообразия и их выражения.

Негативная мобилизация (это не то же, что негативная идентификация) оставляет после себя выжженное ценностное пространство, в пределах которого уже невозможны никакие смысловые инновации, энтузиастический подъем или позитивная гратификация. (Кгбшно-блатной язык Путина был симптомом этого состояния). Вместе с тем негативная мобилизация никогда не имеет тотального характера. Будучи своего рода суррогатом идеологии, она охватывает более ангажированные и политически активные группы, стерилизует их, лишая общество каких-либо надежд на изменения в ближайшем будущем. Цинизм разлагает не только общество, но и саму власть. Результатом негативной мобилизации становится консервация некоторых элементов старой структуры и поддержка лидера, однако они сохраняются до тех пор, пока воспроизводится ситуация безальтернативности во всех сферах ("пропутинские симпатии"). Но одновременно создаются условия для диффузной реакции отторжения у социально слабых групп, периферийных по отношению к власти и центральному символическому институтам. Это отторжение оказывается в резонансе с накапливающимся недовольством неэффективной властью у более образованных и предприимчивых групп населения, усиливающимся чувством стагнации, тупика, разложения, но оно не трансформируется в те или иные усилия по консолидированию групповых интересов или взглядов, образованию союзов и ассоциаций, а принимает форму ожидания, проекции на будущее какого-то неопределенного по характеру социального взрыва, коллапса, кризиса, который снесет эту авторитарную систему и откроет путь к ускоренной модернизации и демократизации страны. Иначе говоря, социальные мечтания эпохи застоя (позднего брежневского времени) воспроизводятся и в сегодняшней ситуации.

Механизмы, правила передачи власти от одной группы, или клана, к другой не могут содержать частных или чисто корпоративных мотивов, они должны включать в себя безусловные элементы метафизического, морального или какого-то иного ценностного регулирования, предполагать апелляцию к "высшим началам общества". Без них будут повторяться и общие трудности репродукции (непродукции) посттоталитарного общества. Ограничение террора не снимает проблем воспроизводства, передачи власти — наметившиеся функциональные императивы социальной дифференциации (чем бы они ни были обусловлены — внутренними процессами и ростом многообразия, заимствованием, дырками в режиме "закрытого общества", усталостью и концом мобилизационного общества) блокированы противоположными процессами — усилением полицейского государства, подтягиванием в центр провинциальной бюрократии и номенклатуры, особенно силовиков, и стерилизацией любых интеллектуальных и культурных элит. Экономические элиты, учитывая следы их происхождения и связи с госбюрократией, как и в начале XX в., оказываются слишком слабыми, лишеными политических "инстинктов", предпочитают позу покорности, а не отстаивание собственных интересов. Поэтому интенции номенклатуры, бизнес-элиты, силовиков, равно как и лидеров политических партий "реформистской направленности", внешне оказываются достаточно близкими. Отсутствие какой-либо внятной ценностной позиции, с которой могло бы отсчитываться изменение в обществе, вестернизационное движение, плохо осознается. Как правило, потребность в ней принимает форму проекции желаемого на будущее поколение, которое-де и будет производить "не при нас" и "без нас" изменения и необходимые реформы ("как на Украине"), что соответствующим образом и рационализируется: "Подрастает молодое поколение, более образованное, повидавшее мир, короче, не такое, как мы".